

УДК 821.161.1—1*А. Блок:82.09

Н. Э. Марцинкевич

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Советская, 104, 246019 Гомель, Республика Беларусь,
+375 (29) 702 94 08, martsynkevich@mail.ru

ЭТАПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА А. А. БЛОКА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В статье рассматривается история блоковедения, выявляются основные подходы к анализу творчества А. А. Блока, определяются наиболее актуальные и продуктивные стратегии. В работе представлен аналитический обзор основных работ, посвящённых творчеству А. Блока, от первых упоминаний до исследований последних десятилетий.

Ключевые слова: блоковедение; мемуарно-биографическая литература; биографический метод; формальная школа; тартуско-московская семиотическая школа; советское литературоведение; междисциплинарные исследования.

Библиогр.: 32 назв.

N. E. Martsinkievich

Gomel F. Skorina State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 104 Sovetskaya Str.,
246019 Gomel, of the Republic of Belarus, +375 (29) 702 94 08, martsynkevich@mail.ru

STAGES OF COMPREHENDING THE WORKS BY A. A. BLOCK IN CRITICAL REVIEWS AND LITERATURE STUDIES

In the article there has been reviewed the history of Block's works studies, the basic approaches to the analysis of A. Block's works have been described, the most acute and efficient strategies have been put forward. The analytical review on the main works dedicated to A. Block's works including the first mentioning up to the last decades studies has been submitted.

Key words: history of A. Block's works studying; memoirs and biographical literature; biographical method; Soviet Literary Science; Russian Formalist School; Tartu-Moscow Semiotic School; interdisciplinary research projects.

Ref.: 32 titles.

Введение. Первые отклики на блоковские стихотворения появились в 1902 году в так называемой допечатной критике (в письмах и статьях А. Белого). Первый библиографический указатель работ об А. Блоке, подготовленный П. Н. Медведевым в 1922 году, состоял из 143 наименований, причём подсчёт оказался неточным — на самом деле работ было намного больше. Каждый стихотворный сборник, каждый этап творчества А. Блока был отмечен в прижизненной литературной критике и позже получил развитие в работах исследователей творчества

поэта. Наибольшее количество самых противоречивых откликов вызвали второй сборник стихотворений «Нечаянная Радость» (М. : Скорпион, [1906] 1907) и поэма «Двенадцать» (1918), а из статей — «Интеллигенция и революция» (1918). В нашей работе мы ставим цель — систематизировать различные научные точки зрения на произведения А. Блока.

В той или иной мере ключевые проблемы творчества А. Блока затрагивались в работах А. Белого — поэта, наиболее близкого А. Блоку по духу. А. Белый настаивает на том, что поэзия А. Блока должна рассматриваться

исключительно в её цельности, как система, истоки которой находятся в «Стихах о Прекрасной Даме», а за ними в свою очередь стоит сложная идеология с единым исходным центром. По мнению А. Белого, таковым центром является соловьёвская идея Софии, она подобна зерну, из которого «выветляется» всё творчество А. Блока [1, с. 501]. А. Белый поместил А. Блока в широкий культурный контекст, рассмотрел «лирическую трилогию» А. Блока в её целостности, назвал Россию музой А. Блока («подлинным ликом его музыки» [2, с. 432]), связал образ России с Софией в религиозно-философской плоскости, с Востоком и Западом в плоскости культурно-исторической, со стихийностью, с революцией духовной и социально-политической и тем самым определил круг проблем, имеющих универсальное культурное значение. Исходя из вышесказанного, проследим динамику развития научных взглядов на творчество поэта, определим специфику различных литературоведческих подходов, наиболее полно и адекватно трактующих его произведения, что в итоге позволит систематизировать накопленные знания.

Методология и методы исследования.

В статье использованы метод сравнительного анализа и системный метод.

Организация исследования. В связи с линией «А. Блок—современники» и дескриптивным подходом к творчеству поэта следует упомянуть о многочисленных работах биографического и мемуарного характера. Первой попыткой представить панораму взглядов на А. Блока его современников была книга О. Немеровской и Ц. Вольпе «Судьба Блока» (1930). Статьи и рецензии, а также дневники, письма, воспоминания, записи, заметки современников позволяют рассмотреть А. Блока на фоне эпохи и выявить его исключительный «культурный потенциал». Несомненно, вся мемуарно-биографическая литература о поэте представляет интерес, но, пожалуй, самая ценная и интересная из книг такого рода — «Воспоминания о А. А. Блоке»

(1922—1923) А. Белого. Эта специфическая книга на грани между мемуарами, художественным произведением и культурфилософским исследованием характеризует его как поэта, неразрывно связанного с культурой рубежа веков.

В целом для работ, написанных сразу или немного спустя после смерти А. Блока, характерен психолого-биографический подход, эти исследования насыщены эмоциями, живой памятью о нём как человеке. И вместе с тем уже в 1920-е годы появляются материалы, в которых предпринимаются попытки исследовать поэтику А. Блока: классифицировать образы, определить стилевую доминанту, рассмотреть звуковую организацию текста. Как правило, это работы представителей формальной школы, выступавших против господства биографического метода: Б. М. Эйхенбаума «Судьба Блока» (1921), Ю. Н. Тынянова «Блок и Гейне» (1921), В. М. Жирмунского «Поэзия Александра Блока» (1922), С. И. Бернштейна «Голос Блока» (написана в 1921—1922 годах). Показательно, что В. Вейдле в статье-отзыве «О Блоке» (авторское название «По поводу двух статей о Блоке», 1922) протестует против слишком скорой схематизации поэзии А. Блока, находит аргументы Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова недостаточно убедительными и упрекает исследователей в поспешности суждений. На самом деле Б. Эйхенбаум предлагает отказаться от излишней эмоциональности и узкой эстетичности в оценке самого А. Блока и его поэзии и перейти в «сверхличный» план [3, с. 355, 364]. Б. Эйхенбаум видит внутреннюю, органическую связь трагической судьбы поэта с судьбой всего символизма. В своём индивидуальном мировоззрении А. Блок, по мнению Б. Эйхенбаума, отразил всеобщий символистский разрыв между «миссионерством» и «мастерством», мистикой и эстетикой [4]. Критик применяет к творчеству А. Блока блоковский же, символистский по своей сути, метод сопоставления фактов, явлений, взятых из различных областей жизни. По мнению критика, после революции поэт отходит от сопоставления разнородных фактов по принципу

«неслиянности и нераздельности» и склоняется к слиянию воедино противоречий, кончившемуся, по мысли Б. Эйхенбаума, крахом. Дальнейший отказ как от сопоставления, так и от слияния, приход к идее свободного искусства как «третьего мира» — т. е. переход к мастерству — поэт только наметил, но не сумел осуществить. Ю. Тынянов, характеризуя поэзию А. Блока, оперирует новым на то время понятием «лирического героя». Показательно, что сформировалась тыняновская концепция «лирического героя» именно в связи с поэзией А. Блока. По наблюдениям критика, А. Блок предпочитает традиционные образы, готовые поэтические формулы и формы (романс как первообраз поэзии А. Блока) — такой ход за счёт подновления, оживления старой эмоциональности позволяет поэту сильнее воздействовать на читателя [5, с. 120]. В. Жирмунский считает метафору стилиевой доминантой поэзии А. Блока («поэзии метафоры») и в этой связи указывает на два блоковских приёма: катахрезу (логическое противоречие) и «оживление метафоры» [6, с. 117, 123]. Демифологизация личности А. Блока и деидеологизация его творчества, начатые представителями формальной школы, чрезвычайно актуальны для современного блоковедения (разрушение мифов, сформированных при жизни поэта, в советском литературоведении, эмигрантской критике) и, по сути, отвечают устремлениям самого А. Блока, настроенного на деавтоматизацию поэтического языка.

Среди биографических книг об А. Блоке следует выделить монографии К. В. Мочульского и А. Пайман. Книга К. Мочульского «Александр Блок» (1948; русское издание 1997) написана в традиционном биографически-психологическом ключе, однако её основная посылка — религиозно-метафизическая. К. Мочульский рассматривает поэзию А. Блока как результат настоящего мистического опыта — духовидения, эпифании Вечной Женственности. На этом настаивал сам поэт, и К. Мочульский следует за волей автора. Книга А. Пайман “The Life of Aleksandr Blok” (1979—1980; в авторском переводе на русский язык и

адаптации для русского читателя — «Ангел и камень. Жизнь Александра Блока», 2005) на сегодняшний день является наиболее полным описанием биографии А. Блока.

Первыми работами советского блоковедения можно считать статьи А. В. Луначарского «Музыка и революция» (1926), «Блок и революция» (1932), «Александр Блок» (в качестве вступительной статьи к собранию сочинений А. Блока в 12 томах 1932—1936 годов издания). А. Луначарский следует идеологическому подходу к творчеству поэта и считает, что мирозерцание его было полностью сформировано классом и эпохой. А. Луначарский рассматривает А. Блока как поэта смешанного классового типа: выразителя идеологии дворянства в период его распада и одновременно — «отщепенца» [7, с. 349]. Рассуждения А. Луначарского представляют собой смесь марксизма и фрейдизма: среди идеологических выкладок о дворянстве как разлагающемся классе встречаются размышления о «психобиологических патологических предрасположениях» А. Блока — нервозности его родителей, «полуненормальности» отца и эпилептоидности матери [8]. Особое внимание А. Луначарский уделяет понятию музыки в творчестве А. Блока. По мнению критика, музыка и революция — понятия глубоко родственные. В подходе А. Блока к пониманию революции А. Луначарский усматривает много неверного. Он порицает поэта за то, что тот видел в народе только музыкальное стихийное начало и отказывал народу в «уме» — рационализме, а также за то, что автор якобы не понимал политической и экономической стороны вопроса и воспринимал революцию только как стихийное космическое явление. А. Луначарский считает, что поэт, проявив для своего класса максимум революционности, только блуждал по революционным путям и революции на самом деле не понял [9]. Критик сравнивает взгляды А. Блока на культуру (культура по своей природе музыкальна) с взглядами О. Шпенглера, Ф. Ницше и А. Скрябина, и эти наблюдения до сих пор не теряют своей актуальности.

Вопрос же отношения А. Блока к революции до сих пор остаётся в блоковедении одним из самых непрояснённых. О поэме «Двенадцать» и особенно её финале спорили уже современники поэта (Ю. Айхенвальд, Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Гумилев, Г. Иванов, М. Пришвин, П. Струве, П. Сувчинский, В. Шкловский, П. Шпет и др.). В советское время о «двусмысленной» поэме предпочитали не спорить, а говорить более определённо: А. Блок искренне приветствовал революцию, хоть и понял её по-своему, или, как пишет В. Н. Орлов, «недопонял» [10, с. 179]. Появление же Христа в финале поэмы объяснялось тем, что Христос у поэта — символ обновления жизни, воплощение освободительного начала и торжества новой всемирно-исторической идеи [11]. Полемика вокруг поэмы ведётся и в настоящее время. На страницах журнала «Знамя» неоднократно поднимался вопрос толкования поэмы «Двенадцать», а в 2000 году была организована дискуссия под характерным названием «Финал “Двенадцати” — взгляд из 2000 года». В обсуждении приняли участие С. Аверинцев, К. Азадовский, Вл. Александров, Н. Котрелев, А. Лавров, С. Лесневский, Д. Магомедова, И. Шклярёвский, А. Эткинд. Показательно, что к какому-либо общему, приемлемому для всех выводу участники дискуссии так и не пришли. Наиболее продуктивными являются попытки вывести поэму из политического контекста, вписать её в контекст творчества самого автора, русской и мировой культуры и вернуть поэме её историософское звучание, как, например, в работах Б. М. Гаспарова, Ю. М. Лотмана «Игровые мотивы в поэме “Двенадцать”» (1975); В. В. Мерлин «“Снежная маска” и “Двенадцать”: (К вопросу о святочных мотивах в творчестве Блока)» (1985); Д. М. Магомедовой «Блок и Волошин. Две интерпретации мифа о бесовстве» (1990) и др. Современные исследователи приходят к выводу, что Христос в поэме — это сложный полигенетичный, полисемантический, автореминисцентный образ, включающий в себя на равных восточную и западную

религиозную, философскую, литературную, фольклорную традицию: андрогин Платона, гностический и евангельский Христос, раскольничий Иисус, Христос-революционер Э. Ренана, лубочно-примитивный Иисус Христос колядок, убелённый Христос Апокалипсиса и др.

В советском литературоведении А. Блок считался поэтом, проделавшим эволюцию от символизма к реализму, иначе — от реакционного мистицизма к прогрессивной революционности, или, по крайней мере, ступившим на этот путь. Очевидным доказательством такого перехода из одной художественной системы в другую считалось принятие поэтом Октябрьской революции. Подобный подход к его творчеству, демонстрация негативного отношения к символизму и, в целом, к модернизму объясняется как искренней убеждённости ряда исследователей в правоте советской идеологии, так и тем идеологическим давлением, которое осуществлялось извне и бытовало в филологии советского времени.

Для второй половины 1930-х и для 1940-х годов было характерно крайне нетерпимое отношение к модернистской культуре рубежа веков, символизм считался реакционным буржуазным искусством, и имя А. Блока в то время стало спорным и даже сомнительным. Но всё же отношение к нему было лучше, чем к другим представителям эпохи во многом потому, что А. Блок принял революцию, — «Двенадцать», «Скифы» и постреволюционные статьи его как бы реабилитировали. Вместе с тем именно в это неблагоприятное время (в 1945—1946 годах) Д. Е. Максимов организовал на филологическом факультете Ленинградского государственного университета блоковский семинар, который проводился в течение 20 лет и сформировал основы альтернативной советскому блоковедению школы.

Среди многочисленных блоковедческих работ 1950-х годов следует назвать монографию Л. И. Тимофеева «Александр Блок» (1957). Исследователь находит уранного А. Блока проявления эгоцентризма и крайнего индивидуализма и считает, что поэту в начале

творческого пути были присущи субъективные и ошибочные воззрения на мир [12, с. 5, 19, 22, 23]. Л. Тимофеев отмечает, что автора нельзя считать ни символистом, ни реалистом: у него был интерес к действительности, но принципы реализма не были осуществлены, к тому же поэт так и не пришёл к пониманию «истинных» целей революции. Л. Тимофеев предпочитает называть А. Блока романтиком, проделавшим путь от реакционно-мистического романтизма к революционному.

Важный этап в развитии блоковедения — 1960-е годы. Именно в эти годы выходит 8-томное собрание сочинений А. Блока, которое на протяжении почти 40 лет оставалось наиболее авторитетным изданием блоковского наследия. Тогда же появляется целый ряд монографических исследований творчества поэта: книги Н. Б. Венгрова, П. П. Громова, Л. К. Долгополова, Б. И. Соловьёва. Наверное, самой заметной работой в советском блоковедении 60-х годов XX века стала книга Б. Соловьёва «Поэт и его подвиг» (1965). Идея этой огромной книги такова: всё творчество А. Блока пронизано романтической по своей сути идеей служения. Автор рассматривает творчество поэта в его целостности, различные этапы творчества связывает с «волей к подвигу», сам же подвиг на разных этапах творчества поэта трактует по-разному — от служения Прекрасной Даме до поклонения революции. В своих рассуждениях исследователь опирается на высказывания поэта, но предпочитает выделять в них революционный пафос и не замечать того, что ему не соответствует. В итоге творчество А. Блока, рассмотренное только с революционных позиций, идеологизируется и неизбежно обедняется. Так, увлечение раннего А. Блока мистикой, религией, философией Платона и Вл. Соловьёва объясняется юношескими заблуждениями поэта [13, с. 33]. Так, Б. Соловьёв считает, что эти «реакционно-утопические» идеи вводили поэта от подлинной жизни и привели к жизненным катастрофам [14, с. 543, 779]. По мнению автора, перелом в творчестве А. Блока наступает во время

революции 1905 года, открывшей в то время ещё наивному и «политически отсталому» поэту огромные перспективы [15]. Вершиной творчества поэта Б. Соловьёв считает поэму «Двенадцать», воплотившую мечту о «единстве с миром». Таким образом, по Б. Соловьёву, А. Блок проделывает путь «от личного к общему»: от символизма к реализму, от Прекрасной Дамы к народу и революции. В связи с книгой Б. Соловьёва следует упомянуть об ещё одной работе подобного рода — книге В. Н. Орлова «Гамаюн: Жизнь Александра Блока» (1978), представляющей собой свободное «художественно-документальное повествование», сочетание биографических сведений, историко-литературных наблюдений с анализом поэтики А. Блока.

В книге «А. Блок, его предшественники и современники» (1966) П. П. Громов рассматривает поэта как продолжателя традиций русской поэзии XIX века и определяет степень его новаторства: А. Блок создаёт лирический характер нового качества — человеческую личность в её прямой связи с историей. Вершиной новаторства автора П. Громов считает поэму «Двенадцать», в которой создан «образ трудового человека в революционную эпоху», сделана установка на нового человека как «человека массы» [16, с. 540—505]. Взаимоотношения поэта с символизмом П. Громов представляет как историю сложной внутренней борьбы с «соловьёвством». Особенно активно П. Громов выступает против концепции синтетизма, спроецированной на творчество А. Блока ещё А. Белым и Н. Гумилёвым [17]. По мнению критика, поэту, несмотря на временные «заблуждения», был ближе трагедийный историзм, чем соловьёвский синтетизм. Отметим, что, несмотря на большой объём и широкий охват материала, вышеназванные книги П. П. Громова, В. Н. Орлова, Б. И. Соловьёва нельзя назвать концептуальными, к тому же они отличаются излишней идеологизированностью.

Период 1960-х годов знаменателен тем, что именно в это время в Тарту начинают выходить «Блоковские сборники» (с 1964 по

2010 год выпущено 18 номеров). Идея организации сначала блоковских конференций, а затем и серии сборников (в то время с трудом пропускаемых цензурой) принадлежала З. Г. Минц, она же много лет была их ответственным редактором. Углубление в поэтику и намеренный уход от идеологии — отличительные особенности всех «Блоковских сборников», во многом реализующих принципы тартуско-московской семиотической школы. Цель сборников — изучение творчества А. Блока в контексте русского символизма и в целом русской культуры рубежа XIX—XX веков и XX века, и с течением времени культурный контекст в них всё более расширялся. Именно в тартуских «Блоковских сборниках» впервые появились концептуальные исследования Д. Е. Максимова и З. Г. Минц, определившие дальнейшее развитие блоковедения.

В свою очередь 1970-е и первая половина 1980-х годов отличаются углублённым изучением поэтики символизма. Определяющими для блоковедения становятся исследования Д. Е. Максимова: «Критическая проза Блока» (1964), «Идея пути в поэтическом сознании Блока» (1972), «О мифопоэтическом начале в лирике Блока» (1979), «Ал. Блок и Вл. Соловьёв: (По материалам из библиотеки Ал. Блока)» (1981, начата в 1940-е годы) и др. Особенно важна работа «Идея пути в поэтическом сознании Блока». Концептуальный характер этого исследования обусловлен тем, что в нём выделена центральная идея творчества поэта — идея пути. Д. Максимов неоднократно напоминает, что всё многообразие творчества А. Блока не может быть сведено только к одной идее. Идея пути, на его взгляд, является предельно-значимой доминантой, главной идеей, выделение и изучение которой необходимо для понимания своеобразия творчества поэта. Мир в целом, природа и собственная жизнь мыслились автором как процесс, путь, независимо от того, оправдан он целью или нет. Предпосылками и условиями возникновения и реализации идеи и темы пути в творчестве А. Блока Д. Максимов считает исповедальность, лиризм, автобиогра-

физм, сознание единства личного и общего — всё это свойства поэтического мироощущения автора. Д. Максимов отмечает, что в целом пути А. Блока присущи противонаправленные тенденции: движение вперёд к высокой цели и пассивность, повторы, «вечное возвращение». У поэта в поступательном движении к цели содержится момент возврата, поэтому движение от цикла к циклу не прямолинейно, а скорее соответствует зигзагообразной линии. Путь А. Блока в максимальном обобщении — восхождение, которое сопровождается задержками, отклонениями и возвратами, т. е. имеет спиралеобразный характер [18, с. 134—135]. Примерно о такой же траектории говорил М. Бахтин в лекции об А. Блоке: особенность его поэзии состоит в «зигзагообразном изображении мира, его возвышении и снижении». «Зигзагообразность» поэзии А. Блока выражается, по мнению критика, в столкновении образов одного лексического плана, но разной эмоциональной окраски, например, «церкви» и «кабака» [19, с. 157].

Всё творчество поэта как целостную структуру — «иерархию интеграторов» — рассматривает Д. Максимов. Интеграторами поэтического мировоззрения символистов он называет миф, цикл и лейтмотив. Интеграторами, обуславливающими единство творчества А. Блока, являются: основные символы-мифы (Прекрасная Дама, Незнакомка, Фаина, демон, страшный мир и др.); мифологемы (миф о странничестве, измене, падении героя); «символы-категории», реализованные в прозе (душа мира, природа, стихия, хаос, музыка, возмездие, культура, цивилизация, романтизм, Россия); идея пути [20]. Д. Максимов считает, что специфику творчества поэта определяют три основных тематических линии: «мировая душа—стихия—музыка»; «Россия» и «революция»; тема пути. В работе «О мифопоэтическом начале в лирике Блока» Д. Максимов рассматривает миф как интерпретатор содержания поэзии А. Блока. Тяготение поэта к мифу во многом обусловлено «конкретностью» его мышления (основным свойством его интеллекта и поэзии) и стремлением

к целостному мировоззрению [21]. Основным мифом поэзии А. Блока Д. Максимов называет миф о Душе мира, на формирование которого оказали влияние философия Платона и поэзия Вл. Соловьёва [22]. В указанной статье критик рассмотрел мифопоэтические концепции, относящиеся только к «соловьёвским темам» раннего творчества А. Блока. В 1900—1902 годах ведущей в поэзии автора была мифологема о Прекрасной Даме. В дальнейшем эта мифологема, изменившись, сохранилась в творчестве А. Блока и оказала влияние на другие мифологемы.

Мифопоэтический подход к толкованию творчества А. Блока, применённый впервые в 1970-е годы, в настоящее время считается традиционным. Помимо определяющих в этой сфере работ Д. Максимова и З. Минц, следует упомянуть исследование А. Григорьева «Мифы в поэзии и прозе русских символистов» (1975), фундаментальный труд Оге А. Ханзена-Леве «Русский символизм» (русские издания 1999 и 2003 года), работы Н. Крохиной [23], И. Приходько [24], Н. Пустыгиной [25], в которых мифопоэтизм А. Блока вписывается в контекст символистского мифомышления. К проблеме «А. Блок и фольклор» исследователи обратились гораздо раньше — в 1950-е годы (впервые — Э. Померанцева [26]). Основные аспекты этой проблемы освещены в работах Н. Грякаловой [27], К. Кумпан [28], Г. Левинтона [29].

Одновременно с Д. Максимовым мифопоэтическое начало блоковского творчества исследует З. Минц. В работе «О некоторых “неомифологических” текстах в творчестве русских символистов» З. Минц уподобляет лирические циклы символистов «поэме-мифу», а «лирическую трилогию» А. Блока в целом — «роману-мифу» [30, с. 77]. Для мировоззрения А. Блока исходными были «принцип всеединства» и «желание синтеза», и здесь нашли отражение идеи Вл. Соловьёва. Поэту было свойственно осмысление в категориях соловьёвского «мифа о синтезе» своего собственного пути и пути всего символизма, а также организация согласно законам

этого мифа композиции собственных художественных текстов. В целом, по утверждению З. Минц, идея соответствий, образ циклически изменяющегося мира и «миф о синтезе» определили все важнейшие особенности символистской эстетики.

Литературовед З. Минц изучала творчество А. Блока в его многообразных связях с русской культурой символизма и других культурных эпох, описала общие законы строения поэтической модели мира А. Блока, предложила тщательный анализ поэтики его стихотворений, впервые применила статистический подход к исследованию блоковского творчества, вписала творчество поэта в широкий культурный контекст. Это её докторская диссертация «Александр Блок и реалистическая литература» (1972), четырёхтомный труд «Лирика Александра Блока» (1965—1975), исследования «Структура “художественного пространства” в лирике А. Блока» (1970), «Символ у Александра Блока» (1979), «Блок и русский символизм» (1980) и др.

Конец 1980-х — 1990-е годы — время возвращения, активного изучения и переосмысления всего наследия русской культуры рубежа XIX—XX веков. В отношении А. Блока — это публикация ранее неизвестных широкой аудитории документов: автографов поэта, его переписки, воспоминаний и дневников современников. Так, к столетию со дня рождения автора был подготовлен специальный «блоковский» том «Литературного наследия» («Александр Блок. Новые материалы и исследования», с 1980 по 1993 год выпущено пять книг), в котором наряду со статьями о творчестве А. Блока собрано большое количество неизвестных и ранее не издававшихся документов. Начатая в конце 1980-х годов серия сборников «Александр Блок. Исследования и материалы» (1987, 1991, 1998, 2011) преследует цели широкого охвата культурной эпохи рубежа XIX—XX веков. В сборниках этой серии А. Блок показан на фоне русской культуры рубежа веков и начала XX века, прослеживаются связи блоковского творчества с русской поэзией XIX века, античной

философией, сектантством, повседневностью, проясняются общественные позиции поэта. В 1990 году начинает выходить «Шахматовский вестник», в материалах которого отражены разнообразные аспекты блоковского творчества (к настоящему времени вышло 13 выпусков).

Заключение. Исследования конца 1990-х — 2000-х годов отличаются непредвзятостью и большей свободой — в настоящее время исследователь не испытывает давления какой-либо идеологии и не обязан придерживаться той или иной социологической установки. Критики считают, что поэзия А. Блока во многих отношениях уже изучена, возможно, поэтому всё чаще объектом внимания становятся его драматургия и проза, записные книжки, дневники и переписка.

В настоящее время блоковедение развивается по нескольким основным линиям:

1) вводятся ранее неизвестные или малоизвестные сведения о жизни и творчестве А. Блока. Благодаря архивным разысканиям до сих пор продолжают открываться новые биографические документы, и в результате фактография жизни поэта пополняется. Как правило, речь идёт об эпистолярном наследии самого А. Блока, письмах современников к нему и его родным, а также к другим корреспондентам; воспоминаниях, дневниках и записных книжках современников;

2) решаются частные вопросы поэтики А. Блока, исследователи занимаются переосмыслением и комментированием, в том числе переосмыслением и уточнением уже существующих комментариев к творчеству поэта с новых литературоведческих позиций. Как следствие, происходит нюансировка образов и интерпретаций, их деидеологизация, круг источников расширяется и вместе с тем определяются границы комментирования. Показательна в этом плане работа коллектива авторов над 12-томным собранием сочинений и полным академическим собранием сочинений и писем А. Блока в 20 томах;

3) творчество А. Блока рассматривается в историко-литературной панораме. Выявляются новые интертекстуальные и интермедийные связи творчества поэта с русской и мировой культурой на синхронном и диахронном уровнях: «текст—современники», «предшественники—текст—последователи». Модель «А. Блок и...» по-прежнему привлекает блоковедов. К диалогу подключаются новые, порой самые неожиданные имена, а в «старых» связях открываются новые грани. К перспективным относятся исследования связей А. Блока и его творчества с периодикой и в целом массовой культурой рубежа XIX—XX веков. Представляют интерес соотношения творчества поэта с русской эмигрантской литературой, культурой второй половины XX века и рубежа XX—XXI веков;

4) выявляются связи творчества А. Блока с различными сферами искусства (музыкой, живописью, театром, кинематографом), мифологией, философией, религией, мистическими учениями, естественнонаучными дисциплинами. Исследования последних лет свидетельствуют, что всё больший интерес вызывает культурная составляющая творчества А. Блока. В целом в блоковедении появляется всё больше междисциплинарных исследований. Например, Л. Силард выявила связи русского символизма с математикой и геометрией (статья «К символике круга у Блока», 1981). Вопросам влияния живописи на творчество Блока посвящены недавние работы О. А. Кузнецовой [31] и С. Д. Титаренко [32]. На возможность выделения кинематографического кода творчества поэта периода революции впервые указали Ю. Лотман и З. Минц [33, с. 98]. О фактах влияния кинематографа на поэму «Двенадцать» писали Б. Гаспаров и Ю. Лотман в статье «Игровые мотивы в поэме “Двенадцать”», а также Б. Гаспаров в самостоятельной работе «Поэма Блока “Двенадцать” и некоторые проблемы карнавализации в искусстве начала XX века» (1977). Заявленная в 1970-е годы проблема «А. Блок и кинематограф» в настоящее время требует обстоятельной разработки.

В последнее время активно исследуется проблема влияния на русский символизм оккультизма (масонства и розенкрейцерства). Факты влияния масонства на А. Блока периода «второго тома» отмечены И. Владимировой, М. Григорьевым и К. Кумпан в работе «А. А. Блок и русская культура XVIII века» (1981). Также М. Альтшуллер развил эту тему в статье «Масонские мотивы “второго тома”» (1982), а Н. Богомолов указал на масонский слой доклада А. Блока «О современном состоянии русского символизма» [34]. Наблюдения о герметизме драмы «Роза и Крест» есть в работе Л. Силлард и П. Барта «Дантов код русского символизма» (1989). Связи творчества А. Блока с гностицизмом прослежены в работах Д. Магомедовой [35], И. Приходько [36], в книге С. Слободнюка «Дьяволы Серебряного века: (древний гностицизм и русская литература 1890—1930 гг.)», изданной в 1998 году в Санкт-Петербурге; со старообрядчеством и сектантством (хлыстовством) — в исследованиях В. Топорова [37], О. Любимовой [38], А. Эткинды, который также предлагает фрейдистский подход к толкованию личности и творчества А. Блока [39];

5) устанавливаются точки соприкосновения А. Блока и его творчества с культурой повседневности конца XIX — начала XX века (спортом, путешествиями, фотографией, модой, СМИ, техникой, цирком, балаганом и др.). На данный момент можно говорить только об отдельных работах, рассматривающих творчество поэта с позиций семиотики повседневности. Это, например, работы З. Минц «Из поэтической мифологии “третьего тома”». II. Поезд и “мотор”» (1975), Н. Грякаловой «Карта путешествий Александра Блока: Бельгия, 1911 год» (2005), А. Лаврова «Блок и “Титаник”», Л. Чурсиной «Блок и авиация (по материалам периодики начала XX века)» (1991). О тяготении языка поэзии А. Блока периода «Незнакомки» и «Снежной Маски» к повседневной реальности, процессах её метафоризации и символизации, «прозаизмах» поэзии «третьей книги»

писала в 1960-е годы Л. Гинзбург [40, с. 269, 283—288, 297—308]. Она же подчеркнула важность проблемы конкретного и повседневного в творчестве А. Блока и указала на то, что впервые к этой проблеме обратились ещё современники поэта (И. Анненский), сразу после его смерти — В. Жирмунский и Б. Энгельгардт (в сборнике «Об Александре Блоке», 1921), а в 1950-е годы — В. Орлов.

В целом основные положения о специфике творчества А. Блока можно считать сформированными: определены основные аспекты мировосприятия, выявлены важнейшие доминанты поэтики, исследована эстетическая концепция, описана образная структура «лирической трилогии». В связи с этим актуальность приобретают исследования, которые ставят своей целью уточнение и углубление концептуальных построений блоковедения и рассматривают творчество А. Блока в новом ракурсе, базируются на комплексе методик литературоведческого, искусствоведческого, философского, культурологического и другого анализа и предполагают взаимодействие смежных научных дисциплин и стратегий.

Список цитируемых источников

1. Белый А. Речь на вечере памяти Блока в Политехническом музее // Собр. соч. : Воспоминания о Блоке / под общ. ред. В. М. Пискунова. М. : Республика, 1995. С. 500—507.
2. Там же. С. 431—443.
3. Эйхенбаум Б. Судьба Блока // О литературе. М. : Совет лит., 1987. С. 353—366.
4. Там же. С. 360.
5. Тынянов Ю. Н. Блок // Поэтика. История литературы. Кино / сост.: Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М. : Наука, 1977. С. 118—123.
6. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока // Об Александре Блоке : ст. / Н. Анциферов [и др.]. Петербург : Картон. домик, 1921. С. 65—165.
7. Луначарский А. В. Александр Блок // Статьи о литературе : в 2 т. М. : Худож. лит., 1988. Т. 1 : Русская литература XIX — начала XX в. С. 348—388. (Русская литературная критика).
8. Там же. С. 354.
9. Там же. С. 387.

10. Орлов В. Н. Поэма Александра Блока «Двенадцать»: Страница из истории советской литературы. М.: ГИХЛ, 1962. 192 с.
11. Там же. С. 104—105.
12. Тимофеев Л. И. Александр Блок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 182 с.
13. Соловьёв Б. И. Поэт и его подвиг: Творческий путь Александра Блока. М.: Совет. писатель, 1980. 784 с.
14. Там же. С. 543, 779.
15. Там же. С. 130.
16. Громов П. П. Блок, его предшественники и современники. Л.: Совет. писатель, 1986. 600 с.
17. Там же. С. 408—411.
18. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Совет. писатель, 1975. 528 с.
19. Бахтин М. М. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке, С. Есенине (в записи Р. М. Миркиной) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. №2—3. С. 155—163.
20. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. С. 38, 329—331.
21. Максимов Д. Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания) // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века / Тартус. гос. ун-т; отв. ред. З. Г. Минц. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1979. С. 3—33. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 459. Блоковский сборник; 3).
22. Там же. С. 23—24.
23. Крохина Н. П. Мифопоэтизм А. Блока в контексте символистского мифомышления // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1990. Т. 49, № 6. С. 515—526.
24. Приходько И. С. Александр Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект. Владимир: ВГПУ, 1999. 80 с.
25. Пустыгина Н. С. К изучению эволюции символизма // Творчество Блока и русская культура XX века: тез. I Всесоюз. конф. (III) / отв. ред. З. Г. Минц. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1975. С. 143—147.
26. Померанцева Э. В. Александр Блок и фольклор // Рус. фольклор: материалы и исслед.: в ? т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 3. С. 203—224.
27. Грякалова Н. Ю.: 1) О фольклорных истоках поэтической образности Блока // Александр Блок: исслед. и материалы / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); редкол.: Ю. К. Герасимов (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука, 1987. С. 58—68; 2) Природа и фольклор в цикле А. Блока «Пузыри земли» (1904—1905) // Ал. Блок и революция 1905 года / Тартус. гос. ун-т; отв. ред. З. Г. Минц. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1988. С. 22—30. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 813. Блоковский сборник; 8).
28. Кумпан К. А. Заметки об источниках «Поэзии заговоров и заклинаний» // Мир А. Блока / Тартус. гос. ун-т; отв. ред. З. Г. Минц. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1985. С. 33—45. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 657. Блоковский сборник; 5).
29. Левинтон Г. А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф — фольклор — литература / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.), А. М. Панченко. Л.: Наука, 1978. С. 171—185.
30. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века / Тартус. гос. ун-т; отв. ред. З. Г. Минц. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1979. С. 76—120. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 459. Блоковский сборник; 3).
31. Кузнецова О. А. Блок и Фра Филиппо Липпи // Шахматовский вестник. М.: Наука, 2010. Вып. 10—11: материалы Блоковских конф. «Стихия и культура» (2008) и «А. Блок и Италия» (2009) / отв. ред. И. С. Приходько. С. 247—257.
32. Титаренко С. Д. Блок и прерафаэлиты: О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности // Александр Блок: исслед. и материалы / Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) Рос. акад. наук; отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб.: Пушк. Дом, 2011. С. 113—141.
33. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов: сб. ст. по вторичным моделирующим системам / редкол.: Ю. Лотман (отв. ред.) [и др.]. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1973. С. 96—98.
34. Богомолов Н. А. К истолкованию статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» // Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое лит. обозрение, 1990. С. 186—202.
35. Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока: сб. ст. М.: Мартин, 1997. 221 с.
36. Приходько И. С. А. Блок между христианством и гностицизмом // Шахматовский вестник. М., 1997. Вып. 7: материалы науч. конф., посвящ. жизни и творчеству А. А. Блока (15 мая 1997 г.) / отв. ред. И. С. Приходько. С. 96—103.
37. Топоров В. Н. О «блоковском слое» в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // Russian Literature: Croat. and Serb., Czech and Slov., Pol. / North. Holland. Amsterdam, 1996. Vol. 40, № 2. С. 128—135.
38. Любимова О. Е. Блок и сектантство: «Песня Судьбы» и «Роза и Крест» // Александр Блок: исслед. и материалы / Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) Рос. акад. наук; редкол.: В. Н. Быстров [и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 69—89.
39. Эткинд А. Поэзия и проза. Блок // Хлыст: Секты, литература и революция. М.: Новое лит. обозрение, 1998. С. 312—388.
40. Гинзбург Л. Я. Наследие и открытия // О лирике. Л.: Совет. писатель, 1974. С. 243—310.

Поступила в редакцию 20.01.2015.